

частині Буковини. – Чернівці: Зелена Буковина, 2006. 44 с.; *11.* Bevölkerung der Bukowina – Населення Буковини / Переклад з нім. Ф.С. Андрийця, А.Т.Квасецького. – Чернівці: Зелена Буковина, 2000. 160 с.; *12.* Dan D. Rutenii din Bucovina. Schita etnografice. Bucuresti: Socesc. Extr. din Analele Academic Romane. Ser. 2. Tom 35, 1913. – 44 p.; *13.* Kaindl R.F. Kleine Studien. – Czernowitz: Verlag der k.k. Universitätsbuchhandlung H.Pardini Crack von H.Czopp, 1893. – 46 s.; *14.* Kaindl R.F. Zauberglaube bei den Ruthenen in der Bukowina und Galizien// Globus. Braunschweig, 1892. – LXI. Band. – S. 279-282; *15.* Kaindl R.F. Zwei rurthenische Mytten aus der Bukowina // Am Ur-Quell. – Hamburg, 1891. – B. I. – Hft. 1. – S. 16-17; *16.* Kaindl R.F., Manastyrski A. Die Ruthenen in der Bukowina. – Czernowitz: Buchdruckerei H.Czopp, 1890. – II. Theil. – 98 s.; *17.* Kupczanko G. Krankheitsbeschworungen bei russischen Bauern in der Bukowina // Am Ur-Quell. – Hamburg, 1891. – B. II. – Hft. 1. – S. 12-14; *18.* Manastyrski A. Die Ruthenen // Die Osterreich-Ungarische monarchie in Wort und Bild. Bukowina. – Wien, 1899. – S. 228-271.

УДК 291.21(498)

Наталія ГОЛАНТ

**ПРО МІФОЛОГІЧНІ УЯВЛЕННЯ ЖИТЕЛІВ
ПІВДЕННО-ЗАХІДНОЇ РУМУНІЇ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ
ЕКСПЕДИЦІЙ В ЖУДЕЦИ ВИЛЧА І ГОРЖ, ОЛТЕНІЯ)**

В даній статті йдеться про міфологічні уявлення жителів південно-західної Румунії. Польові матеріали, використані при написанні даної статті, були зібрані під час експедицій у населених пунктах Мелая (жудець Вилча, Олтенія) і Половраджь (жудець Горж, Олтенія). Згадувані в статті міфологічні істоти є спільними для багатьох балканських народів. Такі, зокрема, як демони долі (ursătorile), русалки (ale sfinte), вампіри (strigoi, muroi), демони, які пожирують місяць (vârcolăcii) і ін.

Ключові слова: міфологічні уявлення, міфологічні істоти, балканські народи, румуни, Олтенія.

Наталія ГОЛАНТ

**О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУМЫНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭКСПЕДИЦИЙ В ЖУДЕЦЫ ВЫЛЧА И ГОРЖ, ОЛТЕНИЯ)**

В данной статье идет речь о мифологических представлениях жителей юго-западной Румынии. Полевые материалы, использованные при написании данной статьи, были собраны во время экспедиций в коммуну Мэлая (жудець Вилча, Олтенія) и Половраджь (жудець Горж, Олтенія). Упоминаемые в статье мифологические существа являются общими для мно-

гих балканських народів. Такими, в частности, демони судьбы (*ursătóřile*), русалки (*ále sfinte*), вампири (*strigóï, muróï*), демони, пожирajúщие луну (*vârcolácii*) и др.

Ключевые слова: мифологические представления, мифологические существа, балканские народы, румыны, Олтения.

Natalia HOLANT

ON MYTHOLOGICAL VISION OF THE RESIDENTS OF SOUTH ROMANIA (BASED ON THE MATERIALS OF EXPLORING TO ZHUDETSY VILCHA AND GORJ DISTRICT, OLTENIA)

The author writes about mythological representations of the Romanians from Southwest Romania. The primary ethnographical data was recorded in villages Malaia (Valcea district, Oltenia) and Polovragi (Gorj district, Oltenia). The mythological essences mentioned in this article are common for many of the Balkan peoples. These are the Fates (*ursătóřile*), the Wicked Fairies (*ále sfinte*), the Ghosts (*strigóï, muróï*), the Werewolves (*vârcolácii*) etc.

Key words: mythological representations, mythological essences, Balkan peoples, the Romanians, Oltenia.

Полевые материалы, нашедшие отражение в данной статье, были собраны во время экспедиций в коммуны Мэлая (жудец Вылча, Олтения) и Половрадзь (жудец Горж, Олтения). Первая экспедиция была осуществлена автором в июле-августе 2006 г. совместно с научным сотрудником Музея Олтения Даниэлой Янку, вторая – в мае-июне 2009 г. совместно с д.ф.н, вед. н. с. Института славяноведения РАН А.А. Плотниковой. Экспедиции были осуществлены в рамках проекта «Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии» и «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе». Сбор материала производился по этнолингвистической программе МДБАЯ, составленной А.А. Плотниковой [7]. Эта программа включает в себя вопросы по календарной и семейной обрядности, трудовым обычаям и народной мифологии.

Большинство мифологических существ, о которых пойдет речь в данной статье, являются общими для многих балканских народов.

В ряду «общепалканских» мифологических персонажей, представления о которых удалось зафиксировать в обследованных населенных пунктах, стоят демони судьбы, которых местные жители именуют *ursătóřile*, *ursitóri(le)*, *ursátoáre(le)* (Половрадзь), *ursitoáre(le)* (sg. f. *ursátoáre(a)*, *ursitoáre(a)*). *Ursătóřile* – грамматическая форма множественного числа мужского рода, однако в случае употребления этого слова с определенным артиклем используется артикль женского рода *-le*. А. Чорэнеску и авторы Толкового словаря румынского языка (DELR) связывают происхождение этого термина, образованного от глагола *a ursi* (вариант – *ursá*) «предназначать, предопределять» с новотреческим глаголом *ορίσω*

«определять, ограничивать»; Чорэнеску упоминает в этой связи также болгарский глагол *орисвам*. [11, с. 821; 13, с. 1141]. Аналогичные персонажи – демоны судьбы, представляемые чаще всего в образе трех женщин, характерны также для мифологии других балканских народов – арумын, мегленорумын, болгар, македонцев, сербов, черногорцев, греков, албанцев. [7, с. 51; 8, с. 243 – 249; 19, с. 71 – 74]. Нужно отметить, что у южных славян, также как и у румын, большинство терминов, которыми обозначаются демоны судьбы, являются дериватами от лексем с общей семантикой «присуждать, нарекать, определять» (*орисници, урисници, наречници, реченици, сүһеници* и др.). [8, с. 243 – 249]. Таковым является и мегленорумынский термин *rășniți*, появление которого, несомненно, стало результатом южнославянского влияния. [19, с. 71 – 74]. В селе Чунджет коммуны Мэлая встретилось употребление для обозначения демонов судьбы также термина *ále sfinte* (букв. «те святые», f. pl.). [1, 271 – 322]. *Ursători(le)* должны предопределить судьбу, характер, способности и личные качества новорожденного. По словам большинства информантов, этих существ три, однако в коммуне Мэлая встречались утверждения, согласно которым их семь или двенадцать. Также в Мэлае были записаны сведения, согласно которым одна *ursătoáre* – румынка (*româncă*), другая – венгерка (*unguroáică*), третья – цыганка (*țigăncă*); по другой версии, одна – румынка, вторая – еврейка (*jidăncă*), третья – цыганка. Во всех случаях «румынку» считают самой доброй, а «цыганку» – самой злой из трех ворожей-предсказательниц. О человеке, которому не везет, жители Мэлаи говорят: «Цыганка тебе предназначила злую судьбу» (*Țigăncă te ursáză ráu*). [1, с. 271 – 322]. В Половрадзь встретилась информация, согласно которой *ursători(le)* облачены в белые одежды. При этом все информанты из этой коммуны утверждали, что *ursători(le)* нельзя увидеть, можно только услышать их голоса. По словам одних информантов, услышать разговор этих существ может мать ребенка или повитуха [*moáșă*], по словам других – любой человек, который находится в той же комнате, что и ребенок.

В ожидании прихода демонов судьбы (согласно большинству сведений, они приходят на третью ночь после рождения ребенка) семья новорожденного готовит для них стол – *másă* (Половрадзь), *mása ursitórilor*, *másă de ursitóri* (Мэлая). На стол помещают различные предметы, с помощью которых пытаются «смоделировать» желаемые качества и/или желаемое будущее ребенка, и угощение, которым надеются умиловить демонов судьбы. Так, в Мэлае на стол принято класть овечью шерсть, которая в этом скотоводческом регионе, вероятно, воспринимается как символ богатства. Жители коммуны Половрадзь упоминали о том, что на стол могут класть кленци и др. инструменты, чтобы ребенок вырос хорошим хозяином. Часто встречаются упоминания о том, что на стол кладут книги, чтобы ребенок в будущем преуспел в учебе (Половрадзь). В качестве угощения для демонов судьбы на стол помещали хлеб (по сло-

вам некоторых информантов, это специальный хлеб, именуемый *ázmă*, который посыпают сахаром), вино и, по некоторым сведениям, фруктовую водку [*juică*]. Хлеб с сахаром и вино на следующее утро делят между тремя детьми. (Сведения из коммуны Половраджь). По словам информантов из Половраджь, стол [*másă*] для демонов судьбы накрывают на третью ночь после рождения ребенка и в настоящее время. Стол накрывают в доме, в той комнате, где будет спать ребенок (несмотря на то, что в наши дни роженица и ребенок в этот период, как правило, еще находятся в больнице).

По словам некоторых жителей коммуны Мэлая, *ursătorile* могут вызвать болезнь грудного ребенка. Так, болезненным грудным ребенком, который постоянно плачет, могут сказать, что он *are de ursători* (букв. «имеет от *ursători*»). Одна из жительниц с. Чунджет коммуны Мэлая сказала о своей дочери, которая в младенчестве была очень болезненной «Приходят *ále sfinte* (об этом термине см. ниже. – Н.Г.) и предопределяют, чтобы она кричала» (*Vin ále sfinte și o ursază că să țipe*) [1, с. 271 – 322].

К «общеевропейским» мифологическим персонажам относятся также существа, именуемые местными жителями *ále sfinte* букв. «те святые» (Мэлая, Половраджь), *céle sfinte* «те святые» или *sfintele* «святые» (Половраджь). Эти наименования всегда употребляются во множественном числе и являются эфемизмами (ср. др. румынские наименования из др. областей Румынии – *ele(le)* «они» (f. pl.)², *dânsele* «они» (f. pl.), *frumóase(le)* «красивые» (f. pl.), *dóamne(le)* «госпожи», болг. *живи-здрави, сладки-медени* и др.) [17, с. 213; 14, с. 214; 9, с. 228 – 248; 8, с. 203]. Возникновение подобных табуистических обозначений связано, вероятно, со стремлением задобрить эти демонические существа [9, с. 228 – 248]. Заметим в скобках, что среди немногих не-эфемистических наименований подобных мифологических существ у румын можно назвать термины *zâne(le)* [pl., др. *zână(-a)*] (ср. алб. *zanët*) и *rusálii(le)*, которые в данной местности не употребляются [14, с. 214, 161 – 162; 7, с. 48 – 49].

Некоторые информанты описывают этих существ как прекрасных женщин, живущих в горах (Мэлая). По словам информантов, *ále sfinte* танцуют (водят хороводы) на холмах, и в тех местах, где они танцевали, на земле можно увидеть круги, образованные высохшей (Половраджь), выжженной или, наоборот, темной и сочной травой (Мэлая), или же часто растущими мелкими грибами (Половраджь). Танец этих существ именуется *hóră* (Мэлая, Половраджь), или *joc* (Половраджь). Однажды в коммуне Мэлая встретилось утверждение, что *ále sfinte* танцуют унгуреняску (*ungurenească*). По некоторым сведениям, они танцуют под звуки

² В качестве личного местоимения 3 л. ж.р. мн.ч. слово *ele* употребляется без артикля; однако при использовании его в качестве табуистического наименования мифологических существ возможно его употребление с определенным артиклем – *elele*. В румынской литературе чаще встречается написание *iele(le)*. (См., например, DELR 1998: 471).

волынки (*simpici*) (Мэлая). [1, с. 271 – 322]. В коммуне Половраджь некоторые информанты утверждали, что на место, где танцевали *ále sfinte*, нельзя наступать. Здесь была записана информация, согласно которой в прошлом люди, желавшие уберечь близких от опасности, увидев место, на котором, по их мнению, побывали *ále sfinte*, отмечали его грудой камней, в середину которой помещали обрубок дерева или крест (Половраджь)³. В Мэлае представлений об опасности таких мест для людей зафиксировано не было. По словам некоторых информантов из Половраджь, *ále sfinte* танцуют в тех местах, где зарыты клады.

В коммуне Половраджь была зафиксирована информация, согласно которой человек, оказавшийся поблизости от того места, где танцуют *ále sfinte*, и услышавший их голоса (пение), сойдет с ума или будет парализован (информанты использовали для обозначения подобного заболевания выражение *te pocea* букв. «тебя искалечило», «тебя изуродовало»). Встретилась, впрочем, и версия, согласно которой существа, голоса которых, услышанные ночью, могут стать причиной болезни, именуются *éle* («они» – pl. f.), тогда как *ále sfinte* – добрые духи и никакой опасности для людей не представляют.

Все информанты утверждали, что *ále sfinte* появляются по ночам. На вопрос, в какой именно календарный период они активны, точного ответа получить не удалось. По словам жителей коммуны Мэлая, они появляются в период Русалий (*Rusálii*), либо в ночь на Иванов день (*noapte de Sânziene*). Так, по словам некоторых жителей этой коммуны, *ále sfinte* в это время предопределяют судьбы людей (*urseezá*). Нужно отметить, что в Мэлае многие информанты смешивали этих существ с демонами судьбы (как говорилось выше, для обозначения демонов судьбы также иногда употребляется термин *ále sfinte*). Кроме того, здесь встретилось утверждение, что в горах танцуют «три женщины – румынка, еврейка (жидовка) и цыганка» (*tréi femei – o româncă, o jidâncă și o țigâncă*). Жители некоторых других населенных пунктов Олтении также смешивают эти два вида мифологических существ, так, термин *sfinte* «святые», употребляемый по отношению к демонам судьбы, зафиксирован также в коммуне Хинова (жудец Мехединць), термин *zâne*, употребляемый в том же значении – в селе Пояна (жудец Вылча) [18, с. 26, 356]. В коммуне Корнэцэл (жудец Мехединць) было зафиксировано утверждение, согласно которому «ielele – то же, что и *ursitoarele*» [18, с. 356]. Употребление одного и того же термина (эвфимизма *albele* «белые») для обозначения этих двух видов «женских» мифологических существ зафиксировано также у арумын [19, с. 151 – 152].

³ Информант сравнил обрубок дерева, оставленный в таком месте, с предметом мебели [o móbilă], что вызывает в памяти сведения о «трапезе» подобных персонажей, представления у которой распространены у румын, болгар, македонцев, сербов и албанцев [См. Плотникова 2003: 228 – 248; Mușlea, Borlea 1970: 215].

В обследованных населенных пунктах, как и в целом в Олтеннии и других юго-западных областях Румынии, чрезвычайно развиты представления о «живых мертвецах», или «вампирах», широко распространенные у народов Карпато-Балканского региона [См., например, 15]. Жители коммуны Мэлая, как и жители многих других местностей Румынии, употребляют для обозначения «живого мертвеца» термин *strigoi* (sg. и pl., m.). Термин *strigoi* является дериватом от *strigă* (sg. f.) «ведьма», «злой дух» и имеет латинское происхождение (от лат. *striga*, -ae f – вульгарная форма от *strix*, -igis «старая колдунья, ведьма») [11, с. 752; 13, с. 1028; 15, с. 7]. По утверждению румынской исследовательницы О. Хелешан, данный этимон был унаследован практически всеми романскими языками [16, с. 626; 10, с. 266 (Apud 15, с. 7)]. На территории Карпато-Балканского региона сходные термины встречаются у албанцев (*štrigë* «ведьма») и словенцев (*štriga*, *štrigno*) [11, с. 758]. Согласно народной этимологии, слово *strigoi* происходит от глагола *a striga* («кричать, звать»). По утверждению информантов из коммуны Мэлая, *strigoi* зовет за собой на тот свет своих родственников. Он приходит к близким по ночам, стучит в двери и просит их выйти из дома⁴ [1, с. 271 – 322]. В коммуне Половраджь подобное существо чаще всего именуется *murói*, или *morói* (sg. и pl., m.). Данный термин, по всей вероятности, имеет славянское происхождение и, очевидно, связан с общеславянским корнем **mag-/mog-* [13, с. 654; 11, с. 522; 5, с. 178 – 179]. Впрочем, были также попытки связать происхождение этого термина с новогреческим словом *μωρόν* «ребенок»⁵ [11, с. 522]. Некоторые жители коммуны Половраджь употребляли для обозначения «живого мертвеца» и термин *strigoi*.

Согласно представлениям жителей Мэлай, «живым мертвецом» может стать человек, который родился «в рубашке» (*cu tichie* букв. «в шапочке»), а также, по сведениям из села Чунджет коммуны Мэлая, человек, который «знает чары и творит зло» [*care știe fermece și face rele pe pământ*] или тот, кто «умирает, не причастившись, случайной смертью» [*moare neîmpărtășit, accidental*] [1, с. 271 – 322]. По словам информантов из Половраджь, покойник станет вампиром в том случае, если в то время, когда он в течение трех дней после смерти лежит в доме, через него перескочит кошка. Чтобы избежать подобных последствий, кошку на это время обычно запирают. Согласно сведениям из коммуны Мэлая, если покойник является вампиром, то вслед за ним начинают умирать родственники, соседи и даже домашние животные, принадлежащие его семье [1, с. 271

⁴ Анастасия Шендреску, жительница села Чунджет коммуны Мэлая, рассказала, что ее дядя, умерший без причастия, приходит к ее дому в течение трех ночей после смерти и шепчет: «*Nastasio, vino pân-afară!*» («Настасия, выйди из дома!»).

⁵ Нужно отметить, что в ряде местностей Румынии термин *morói* употребляется для обозначения существа, в которое воплотилась душа младенца, умершего некрещеным [См. Stoianescu 2007: 522].

322], тогда как жители коммуны Половрадъж утверждают, что вампир [*muróji*] «забирает» с собой на тот свет только родственников.

Если возникало подозрение, что покойник является вампиром, его могилу вскрывали и вонзали ему в сердце какой-либо острый предмет – иглу (Мэлая) или гвоздь (Половрадъж). В Мэлае была зафиксирована информация, согласно которой покойнику, о котором известно, что он родился «в рубашке», вонзают иголку в сердце практически сразу после смерти. Также информанты из Мэлаи рассказывали о случае, когда умерший много ночей подряд снился одному из родственников, и тот тяжело заболел. Могилу вскрыли, покойнику вырезали сердце, зажарили его и дали съесть больному, после чего тот выздоровел [1, с. 271 – 322].

По словам жителей обеих коммун, «живой мертвец» может лежать в гробу, перевернувшись – лицом вниз или на боку, а его лицо «красное» [*roşie*]⁶. Жители Мэлаи упоминали также о том, что тело такого покойника хорошо сохраняется и является мягким, неокостеневшим; по сведениям, записанным в селе Чунджет (коммуна Мэлая), рот «живого мертвеца» бывает наполнен кровью [1, с. 271 – 322].

В обоих населенных пунктах удалось зафиксировать представления о существах, пожирающих луну, которые именуются *vârcoláci(i)* (sg. *vârcolác(u)*). По мнению большинства исследователей, это термин славянского происхождения, изначально связанный со словом «волк» (ср. болг. *върколак*, с.-х. *вукодлак*, чеш. *vlkodlak*, пол. *witkolak*, укр. *вовкулак*, бел. *воўколак*, рус. *волколак*) [11, с. 838 – 839; 2, с. 418 – 420]. В румынский язык этот термин, вероятно, пришел из болгарского [13, с. 1152]. Из балканских народов данный термин встречается также у греков (*βρυκόλακας*) и албанцев (*vurvolak*) [4, с. 251 – 266; 11, с. 838 – 839]. Для румын типично употребление лексемы *vârcolác* именно в значении «демон, пожирающий солнце или луну» [14, с. 207; 11, с. 838 – 839; 12, с. 290 – 291; 18, 2001: с. 355

356, 2003: с. 390 – 391, 2004: с.398]. Гораздо реже встречается на территории расселения румын употребление этого термина в его изначальном значении «человек-волк» или в значении «вампир», характерном для многих балканских славян и для греков [12, с. 290 – 291; 18, с. 390 – 391; 8, с. 212 – 217; 7, с. 47; 2, с. 418 – 420]. Некоторые жители Мэлаи утверждали, что эти существа выглядят как змеи или как огромные черви [1, с. 271 – 322].

Информанты из Половрадъж не смогли дать их описание. Однажды в Половрадъж встретилось утверждение, что *vârcoláci(i)* пожирают луну из-за людских грехов.

В обоих обследованных населенных пунктах существует представление о змее, покровительствующей дому, широко распространенное в

⁶ Согласно описанию, данному одним из жителей коммуны Половрадъж, Николае Кырстя-Попеску, «лицо покойника красное, как будто его кровь продолжает циркулировать».

Карпато-Балканском регионе, а также в Малой Азии [8, с. 232 – 239; 3, с. 151 – 160]. Жители Мэлаи называют такую змею *șârpele căsei* или *șârpe de căsă* («змея дома» m. sg.) [1, с. 271 – 322], жители Половраджь – *șerpele cășii* («змея дома» m. sg.) или *al cășii* («домашний», «относящийся к дому», «домовой» (?), m. sg.). По словам информантов, эта змея не ядовита. «Змею дома» запрещено убивать. В Половраджь существует представление, согласно которому, если хозяева дома переселяются в новый дом, змея собирается туда вместе с ними.

В заключение нужно отметить, что к культурно-языковым признакам рассмотренных здесь региональных традиций, имеющим аналогии в традициях других балканских народов, можно отнести также ряд календарных обрядов (в частности, обряды святочного цикла *Plugușoru* и *Sârcova*, наименования первых дней марта, связанные с легендой о мартовской старухе и др.), обычай повторного погребения покойников и т.д. [Подробнее об «этнолингвистических балканизмах» в румынской традиционной культуре и в соответствующей терминологической лексике см., например: 6, с. 10 – 15].

Список сокращений

МДАБА – Малый диалектологический атлас балканских языков
 DELR – *Dicționarul explicativ al limbii române*

Источники и литература: 1. Голант Н.Г. Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М., 2008. С. 271 – 322. 2. Гура А.В., Левкиевская Е.Е. Волколак // Славянские древности. Т. 1. М., 1995. С. 418 – 420. 3. Иванова В.В. Змея – джинн – перелок: анатолийский взгляд на хранителя дома // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб, 2009. С. 151 – 160. 4. Климова К.А. Балканские концепты в народной мифологии современной Греции и славянобалканского ареала // Исследования по славянской диалектологии. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 251 – 266. 5. Левкиевская Е.Е. Мара // Славянские древности. Т.3. М., 2004. С. 178 – 179. 6. Плотникова А.А. Карпато-балканский диалектный ландшафт – новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М., 2008. С. 10 – 25. 7. Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала, М., 2009. 8. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. 9. Плотникова А.А. Южнославянские персонажи типа *вила* в свете «балканского» на Балканах // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003. С. 228 – 248. 10. Cihac A. de. Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Elements latins.

Frankfurt, 1870. **11.** Ciorănescu A. Dicționarul etimologic al limbii române. București, 2007. **12.** Credințe și superstiții românești după Artur Gorovei și Gh.F. Cîșanu. Ediție de I. Nicolau și C. Huluiță. București, 2000. **13.** Dicționarul explicativ al limbii române. Ediția a II-a. București, 1998. **14.** Ghinoiu I. Panteonul românesc. București, 2001. **15.** Hedeșan O. Șapte eseuri despre strigoi. Timișoara, 1998. **16.** Meyer-Lübke W. Romanisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911. **17.** Mușlea I., Bîrlea O. Tipologia folclorului din răspunsurile la chestionarele lui B.P. Hașdeu. București, 1970. **18.** Sărbători și obiceiuri. Răspunsurile la chestionare Atlasului etnografic român. București. Vol. I, Oltenia, 2001; Vol. III. Transilvania, 2003; Vol. IV. Moldova, 2004. **19.** Țîrcomnicu E. Identitate românească sud-dunăreană. Aromânii din Dobrogea. București, 2004.

УДК 398(477.8)

Олександр КОЖОЛЯНКО

СВІТОГЛЯД УКРАЇНЦІВ БУКОВИНИ ДОХРИСТІАНСЬКОГО ЧАСУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УСНОЇ НАРОДНОЇ ТВОРЧОСТІ

У статті досліджується світогляд українців Буковини дохристиянського часу на прикладі одного з видів усної народної творчості – казок. Матеріал буковинського фольклору засвідчує наявність вірувань мешканців краю у небесні світила як верховних богів та поклоніння богам природи у дохристиянським городицях-святилищах.

Ключові слова: світогляд, казка, символіка, міф, обряд, святилище, бог, культ.

Александр КОЖОЛЯНКО

МИРОВОЗЗРЕНИЕ УКРАИНЦЕВ БУКОВИНЫ ДОХРИСТИАНСКОГО ВРЕМЕНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

В статье исследуется мировоззрение украинцев Буковины дохристианского времени на примере одного из видов устного народного творчества – сказок. Материал буковинского фольклора подтверждает наличие верований жителей края в небесные светила как верховных богов и поклонения богам природы в дохристианским городицях-святилищах.

Ключевые слова: мировоззрение, сказка, символика, миф, обряд, святилище, бог, культ.

Olexandr KOJOLIANKO

DIE WELTANSCHAUUNG DER UKRAINER DER BUKOWINA VORCHRISTLICHER ZEIT IN DER FOLKLORE

Im Beitrag versucht man, die Weltanschauung der alten Ukrainer durch eine Analyse solcher Arten der bukowiner Folklore wie Sprichwörter, Märchen zu rekonstruieren.